

Сизова Ирина Игоревна

РАССКАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО "ИЛЬЯС": АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ЭДИЦИИ

В статье представлен новый взгляд на историю создания и эдиции рассказа Л. Н. Толстого "Ильяс". Уточнено датирование работы писателя над произведением: 14-26 марта, 17 мая 1885 года, первая половина марта 1886 года. Исследованы этапы воплощения замысла. Анализ становления элементов содержания и формы показал, что черновые рукописи не содержат в себе признаков, которые позволили бы подтвердить наличие ранней редакции. Впервые систематизированы разночтения печатных изданий "Ильяса" за 1886 год, выявлена типология смысловых ошибок и погрешностей, допущенных автором и привнесенных в рассказ его подготовителями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 245-251. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Мысль о том, что единственная форма патриотизма – это язык, будет почти дословно повторена Иосифом Александровичем в Нобелевской речи. Русский язык и есть для И. Бродского, по тонкому и точному замечанию Валентины Полухиной, «самый прекрасный профиль России... маска ее души» [5]. Родной язык для Бродского – это то, что придает его миру смысл и заполняет «махровую безадресность» пространства:

Слушай, дружина, враги и братие!
 Всё, что творил я, творил не ради я
 славы в эпоху кино и радио,
 но ради речи родной, словесности [1, т. 3, с. 18].

Язык есть сущность вневременная, через него мы прорываемся к смыслу бытия, и для поэта единственная возможность обозначить своё существование в грядущем – вернуться в перспективу – оставить свой вклад в языке. И именно в лоне «родного» языка Иосиф Бродский продолжает жить как великий русский поэт.

Список источников

1. **Бродский И.** Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 2. 440 с.; Т. 3. 312 с.; Т. 4. 432 с.; Т. 5. 376 с.; Т. 6. 456 с.
2. **Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.** Современная русская литература. 1950-1990-е годы: в 2-х т. М.: Академия, 2006. Т. 2. 688 с.
3. **Матич О.** Литература Третьей волны: границы, идеология, язык [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m.html> (дата обращения: 09.10.2017).
4. **Милош Ч.** Борьба с удущем // Иосиф Бродский: труды и дни / ред., сост. П. Вайль и Л. Лосев. М.: Независимая газета, 1998. С. 237-247.
5. **Полухина В.** Ритмы России в творчестве Бродского [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/10/po18.html> (дата обращения: 09.10.2017).
6. **Рыбальченко Т. Л.** Образ Америки в поэзии И. Бродского // Американские исследования в Сибири: материалы всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во Томского университета, 2003. С. 147-163.
7. **Янгфельд Б.** Язык есть Бог: заметки об Иосифе Бродском. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 368 с.

THE IMAGE OF RUSSIA IN IOSIF BRODSKY'S CREATIVE WORK

Podgorskaya Anna Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology
 Nosov Magnitogorsk State Technical University
 podgorsky_a@mail.ru

The article is devoted to analyzing the evolution of the image of Russia in Iosif Brodsky's poetry and prose. The analysis of most typical (in the chosen aspect) texts is conducted from the viewpoint of their endowment with the unique "signs" of Russian culture. The author concludes that for Brodsky the only form of patriotism is the language, which fills the emptiness of space and imparts meaning to existence. The paper traces the implementation of the image of Russia through a number of motives, the basic of which are the motives of memory, exile, Empire. An "imperial" approach to interpreting the image of Russia continues the traditions of Russian classical literature, and in this aspect Empire is not only tyranny as an instrument of state suppression system, but also great power – cultural formation linked together not by military force but by a common language. In this aspect Brodsky's image of Russia is inseparable from its culture, literature and fits the Russian inter-text.

Key words and phrases: Iosif Brodsky; Russia; exile; Russian language; nostalgia; empire; patriotism.

УДК 82(091); 82-3; 82-32; 801.73; 82:801.6

В статье представлен новый взгляд на историю создания и эдиции рассказа Л. Н. Толстого «Ильяс». Уточнено датирование работы писателя над произведением: 14-26 марта, 17 мая 1885 года, первая половина марта 1886 года. Исследованы этапы воплощения замысла. Анализ становления элементов содержания и формы показал, что черновые рукописи не содержат в себе признаков, которые позволили бы подтвердить наличие ранней редакции. Впервые систематизированы разночтения печатных изданий «Ильяса» за 1886 год, выявлена типология смысловых ошибок и погрешностей, допущенных автором и принесенных в рассказ его подготовителями.

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; рассказ «Ильяс»; датирование; редакция; вариант; история и научная критика текста; эдиция; смысловая погрешность.

Сизова Ирина Игоревна, к. филол. н.
 Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
 и_sizova@bk.ru

РАССКАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО «ИЛЬЯС»: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ЭДИЦИИ

Целью настоящей статьи является анализ истории создания и эдиции рассказа Л. Н. Толстого «Ильяс». Рукописный фонд произведения включает четырнадцать листов, большая их часть заполнена текстом с обеих сторон. Сохранилось три рукописи, автограф [16] и две копии с правкой писателя [17; 18]. Сделаны

фотокопии печатного текста к открытому листу, но без картинки А. Д. Кившенко [19]. Заглавие «Ильяс» появилось уже в автографе. Все черновые материалы по сегодняшний день не опубликованы.

В обширной историографии научной литературы, посвященной этому небольшому сочинению, выделяется несколько опорных проблем, решение которых определило задачи нашего исследования. Среди ученых не сложилось единого мнения о том, когда был создан ранний автограф. Последующие этапы воплощения творческого замысла, отраженные в других рукописях и печатных источниках – первых публикациях «Посредника», двенадцатой части «Сочинений» (пятое издание), – не получали должного освещения: по хронологии их необоснованно объединяли с этапом чернового автографа. Остается открытым вопрос о количестве редакций, остро стоит проблема постороннего воздействия на толстовский текст, его освобождения от привнесенных смысловых погрешностей.

Как известно, в эпистолярном наследии Толстого нет таких свидетельств о начальном периоде его работы над произведением, в которых фигурировали бы заглавие, сюжет или герои. Заглавие упоминается в документах позже, когда уже активно готовятся к печати брошюра и открытый лист «Посредника».

16 и 17 марта 1885 года датированы автограф и первая копия. Долгое время эти числовые пометы, сделанные переписчиком, считались сомнительными.

Так, по мысли В. И. Срезневского, «Ильяс» был написан 17-18 марта 1885 года [14, с. 680; 15, с. 362] и/или в марте того же года [14, с. 679; 15, с. 362]. Анализируя письма Толстого к жене от 15 и 16-17 марта, исследователь пришел к выводу, что дата 16 марта в автографе «не верна, если только Толстой вообще не спутал тогда чисел месяца в письмах» [14, с. 679]. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская полагали, что дата 17 марта в первой копии подлежит проверке и уточнению [8, с. 279].

Два варианта датирования предложил Н. Н. Гусев. Согласно его первой версии, рассказ, или автограф, был написан 16 марта 1885 года [2, с. 600]. Позднее Н. Н. Гусев был склонен относить процесс «обдумывания» Толстым своего произведения к 14 и 15 марта [1, с. 399]. С творческой историей «Ильяса» Н. Н. Гусев связывал письмо Толстого к В. Г. Черткову от 17-18 марта, которое всего лишь констатирует факт создания «небольшого рассказа» [21, с. 54], но не содержит никаких дополнительных подробностей о его образной системе, проблематике и сюжетном рисунке [1, с. 399]. Полагаем, что в данном письме речь все же идет уже о другом сочинении, «тексте к лубочной картине» «Вражье лепко, а Божье крепко» [12, с. 184].

В комментариях Л. Д. Опульской и З. А. Кущенко хронология написания «Ильяса» не представлена: сообщается, что рассказ был написан во второй половине марта или в марте 1885 года. К сожалению, эти точки зрения не сопровождаются какими-либо аргументами [7, с. 67; 9, с. 524; 10, с. 562].

Впервые о существовании первой редакции в черновом автографе заявили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская [8, с. 279]. Их точку зрения поддержал Н. Н. Гусев, отнесший первую копию, выполненную Л. Д. Урусовым, ко «второй редакции рассказа» [1, с. 433; 2, с. 600]. «Живя в Крыму среди татарского населения, – отмечал Н. Н. Гусев, – Толстой сначала хотел сделать героем... татарина, но потом отказался от этого намерения и перенес действие... в хорошо ему знакомые башкирские степи» [1, с. 399].

Иного мнения в вопросе редакций придерживалась Л. Д. Опульская, почти дословно повторившая комментарий Н. Н. Гусева о башкирских реалиях. «В первоначальном варианте, – писала она, – герой рассказа – татарин, но затем действие перенесено в столь хорошо знакомые Толстому башкирские степи» [9, с. 524].

Возможно, Толстой и планировал на начальном этапе сделать своего героя уроженцем Крыма, однако изменение места действия не является веским показателем для обоснования новой редакции произведения. В то же время, как выясняется, тюркские топонимы «татарин», «татарский» писатель не связывал с конкретной местностью или отдельно взятым народом. Вот как, например, он запечатлел колорит башкирских песен, услышанных им в самарском имении, в письме к С. А. Толстой от 25 июля 1881 года: «Бабай, караульщик бывший на бахчах, караулит у дома и ездит на старом мерине, Турсуке, за мукой. Это милейшее 70-летнее дитя природы. Поет песни *татарские* тонким голоском всю ночь и барабанит в лад в старое ведро» [23, с. 298].

Действие рассказа «Ильяс» развивается в хорошо знакомых Толстому башкирских степях. Осенью 1871 года он приобрел 2500 десятин в районе сел Гавриловка и Петровка на Тананыке Бузулукского уезда Самарской губернии. В 1878 году это владение было увеличено: барон Р. Г. Бистром продал Толстым 4022 десятины [24, с. 516]. В своем поволжском имении писатель жил в 1881 и в 1883 году, а в 1870-е годы выезжал на кумыс в самарскую степь почти ежегодно, за исключением 1877 и 1879 годов.

Толстой-художник внимательно наблюдал за образом жизни кочевых башкир; со временем эти впечатления воплощались в поэтической форме. Так, этнографическая тональность произведения близка заметке о встречах Толстого с башкирами из его письма к жене от 16-17 июля 1871 года: «Принимали нас везде с гостеприимством... Куда приезжаешь, хозяин закалывает жирного курдючного барана, ставит огромную кадку кумысу, стелет ковры и подушки на полу, сажает на них гостей и не выпускает, пока не съедят его барана и не выпьют его кумыс. Из рук поит гостей и руками (без вилки) в рот кладет гостям баранину и жир, и нельзя его обидеть» [23, с. 198-199].

В повествовании о том, как Мухамедшах угощает приехавших издалека сватов, Толстой вновь обращает внимание на полубившуюся ему традицию повседневно-бытовой культуры башкир: «И случилось раз, приехали к Мухамедшаху сваты, далекие гости, пришел и мулла. Велел Мухамедшах поймать барана и убить. Ильяс освежал барана и сварил и послал гостям. Поели гости баранины, напились чаю и взяли за кумыс. Сидят гости с хозяином на пуховых подушках, на коврах, пьют из чашек кумыс и беседуют» [22, с. 32].

В образе хозяина Ильяс Мухамедшаха узнаваемы черты башкира Мухамета (Романыча) Рахметуллина, который долгое время готовил кумыс для Толстого. 29 мая 1883 года в письме к С. А. Толстой писатель передал внутренний и внешний облик своего давнего знакомого: «Мухамедша также хорош собой, изыщен и приятен; также похож на ястреба» [23, с. 379].

За последние годы появились обстоятельные труды Д. В. Бурбы, А. В. Драгунова и В. В. Курьяновой, посвященные восточной топонимике произведения. Эти ученые высказали интересные предположения о связи имен толстовских героев с названиями скалы Ильяс-Коя и грота Фатьма-Коба в Крыму, а также с исламской традицией, арабской формой древнееврейского имени Элиаху в именовании пророка Ильяс и именем четвертой дочери пророка Мухаммеда «светлолицей» Фатимы [6, с. 129, 130]. Шам-Шемаги и Мухамедшах – известные писателю башкирские имена [Там же, с. 130].

История о том, что «богатство приносит с собой большие хлопоты и огорчения и не дает счастья человеку» [1, с. 399], была начата Толстым во время крымского путешествия во второй декаде марта 1885 года и дорабатывалась им по возвращении в Москву, состоявшемся 23 марта.

О своей литературной деятельности Толстой писал жене 14 и 15 марта 1885 года. В те дни замысел рассказа уже предварительно сформировался. 14 марта: «...на козлах сочинял Английского милорда» [23, с. 495]. 15 марта: «Англицкого Милорда... все обдумываю. Попробую завтра писать» [Там же, с. 496]. По свидетельству Н. Н. Гусева, «“Английским милордом” Толстой называл в то время будущие свои народные рассказы для издательства “Посредник”. Он вспоминал имевшую огромное распространение лубочную повесть “О приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы”, первое издание которой появилось в 1782 году» [1, с. 399].

Признания в письмах к С. А. Толстой об «обдумывании» и «сочинении» «Английского милорда» наглядно иллюстрируют графические особенности автографа «Ильяс». Рукопись выполнена на четырех листах нелинованной бумаги небольшого формата (18 x 24) с клеймом. Заглавие вписано рукой Толстого. Обороты первого и второго листов, второй лист отмечены знаками перестановки местами небольших фрагментов. Экспозицию изменяют широкие вставки между строк (в том числе зачеркнутых) и по правому полю [16, л. 1].

Текст автографа не представляет собой раннюю редакцию произведения. Воодушевленно, без мучительных сомнений и противоречий складывались все элементы сюжета, определялась их последовательность, оформлялись образы главных и второстепенных героев: Ильяс, его жены Фатьмы (позднее Шам-Шемаги), соседа Мухамедшаха. Идеино-смысловое содержание развивалось по двум направлениям. С одной стороны, Толстой утверждал идеал трудовой жизни, с другой – иносказательно критиковал изобилие в обществе и отдельно взятой семье нематериальных и материальных ценностей, превышающих жизненные потребности человека. В жанр художественной утопии облекалась социально-этическая концепция, развитая в трактате «Так что же нам делать?» (1882, 1884-1885). Созданные на данном этапе основные компоненты содержания и формы, типы литературных субъектов и структурные особенности образов впоследствии существенно не изменились.

Ранний эскиз экспозиции детально знакомил с богатством татарина Ильяс. У него было двести голов лошадей, сто пятьдесят голов рогатого скота, тысяча двести овец. Тридцать три работника пасли его табуны и стада, ухаживали за скотиной, доили коров и кобыл, варили молоко, делали масло и сыр, кумыс. Люди завидовали Ильяс, считали его «счастливым», потому что «все у него было много» [Там же].

Завязка сообщает о разорении, «падении» Ильяс [Там же, л. 1 об.]. Как неизбежное пагубное последствие избыточных доходов показаны духовная разобщенность семьи, праздное «баловство» детей, которых одолевают гордыня и пороки, непослушание и пьянство [Там же, л. 1]. «Убывание» благосостояния героя изображено поэтапно. Сначала отделился младший сын, затем на овец напала болезнь, выдались голодные года, погиб скот, «киргизцы» «отбили» лучший косяк [Там же, л. 1 об.].

Развивает действие повествование о том, как Ильяс и его жена Фатьма служат у соседа Мухамедшаха, который «прежде у Ильяс в работниках жил» [Там же]. Однажды к Мухамедшаху приезжают гости и мулла; тот рассказывает всем или одному гостю (в автографе этот нюанс недоработан) о былом величии и могуществе Ильяс. По просьбе собеседника хозяин приглашает своих «удивительных» новых работников поделиться впечатлениями о другой, «трудовой», жизни. Все желают услышать их сожаления и «тоску» об утраченной «славе» [Там же, л. 2].

Кульминация сюжета выражена нравоучением. Писатель придает ему утопическую форму «суждения» Фатьмы и Ильяс о «счастье» «жизни в людях» [Там же, л. 2 об.]. В эпизоде контрастно противопоставлены две парадигмы (жизнь в богатстве – жизнь в труде), философски осмысленные в трактате «Так что же нам делать?». Жизнь в богатстве греховна, наполнена суетой, пустыми «заботами», лишена взаимопонимания и «согласья»; нет возможности поговорить друг с другом, подумать о душе и помолиться Богу [Там же, л. 3]. Труд «с охотой», «по силам» избавляет от грехов, привносит в семью мир, любовь и «согласье». Он дарует душевное здоровье, возможность общения и молитвы [Там же, л. 3 – 3 об.].

В развязке сообщается о воздействии «умной речи» Фатьмы и Ильяс на слушателей. «Правда» «жизни человеческой», которую ведут главные герои в соответствии с волей Бога, побуждает гостей Мухамедшаха «задуматься» о своем земном пути [Там же, л. 3 об.].

16 марта 1885 года рассказ дополнен важными смысловыми деталями. Постепенно уточнялся состав семьи «первого богача»: сначала у него было двое детей, сын и дочь, затем – трое, два сына и дочь. Появилось описание того, как Ильяс приобретал свое благосостояние: «Остался Ильяс от отца небогатым... и нажил большое имение» [Там же, л. 1], его нового социального статуса, обязывающего жить «на широкую ногу»:

«Стали Ильяса знать люди, стали с ним знакомство водить... Приезжали за 200 верст гости. Были скачки и на каждую свадьбу по две кобылы резали и 20 баранов [без счету], и кумыс пили [до отвалу] [без меры]» [Там же]. Толстой считал важным подчеркнуть, что богатство не досталось Ильясу даром, а было нажито трудом в течение тридцати пяти лет. Изменилось и место действия: теперь события развивались не в татарском селении Крыма, а в башкирской деревне.

16 марта 1885 года автограф был передан для переписывания близкому приятелю Толстого Л. Д. Урусову. На обороте третьего листа он пометил: «Симеиз. Южн<ый> бер<ег> Крыма. 16 марта 1885 года» [Там же, л. 3 об.].

На следующий день, 17 марта, копия была уже готова. На ее последнем листе Л. Д. Урусов поставил дату: «17 марта 1885 г. Симеиз» [17, л. 5 об.]. Толстой заканчивал работу с этой рукописью, видимо, уже в Москве. Он вычеркнул дату 17 марта, указав тем самым, что произведение пока не завершено. Только 25-26 марта писатель уведомил В. Г. Черткова: «Еще написал маленький рассказец, я думаю, для картинки с текстом» [21, с. 157]. Как один из «текстов к лубочным картинам» он публиковался в двенадцатой части «Сочинений» [13, с. 116-120].

Первая копия занимает шесть листов нелинованной бумаги с клеймом среднего формата (18 x 24). С обеих сторон использованы пять листов. Нумерация чернилами сверху в правом углу на листах первом («1»), третьем («2») и пятом («3»). Поправками автора испещрены первый, второй, третий листы и их оборотные стороны.

Толстого вновь увлекла отделка важных смысловых деталей, связанных с композицией образов Ильяса и Мухамедшаха. Нейтральным по стилю стало описание «большого имения» Ильяса, так как из него были исключены перегружающие детали. Более эмоциональным получилось повествование о семейных разногласиях, дополненное новым лейтмотивом. Младший сын попадает под влияние своей «гордой» жены и перестает «слушаться» отца [17, л. 1 об.].

Критика «золотого тельца» сказалась на трактовке образа Мухамедшаха. В русле этой тенденции эскизы внутреннего облика и социального статуса «хозяина» Ильяса расширили знаковые пояснения: «был ни беден, ни богат»; «жил ровно и человек был хороший»; «Вспомнил... хлеб-соль Ильясову, пожалел его» и др. [Там же, л. 2 об.].

Мастерски владея поэтическим языком, изобразительно-выразительными средствами, Толстой воплотил и в других образах философское, идеологическое и психологическое содержание произведения. Встроив фразеологический оборот «что на уме (на душе), то и на языке» в характеристику старухи Шам-Шемаги (Фатьмы), он подчеркнул откровенность, задушевность, прямоту героини, достигнув тем самым максимальной силы эмоционального воздействия художественного слова на читателя. «Спроси лучше бабу мою, – говорит Ильяс одному из гостей, – она баба [а умный человек], что на сердце, то и на языке, она тебе всю правду об этом деле скажет» [Там же, л. 3 об.]. Выражение «колесо счастья (фортуны)» привнесло тональность философского обобщения, рассуждения в реплику гостя о роли судьбы в злоключениях Ильяса. «Да, видно так счастье перелетает, – задумавшись, замечает собеседник Мухамедшаха. – Как колесо: кого вверх поднимает, кого вниз опускает» [Там же, л. 3].

18 мая 1885 года Толстой читал и правил вторую сохранившуюся копию. 17 мая он сообщал В. Г. Черткову о своих намерениях: «Тексты двух картинок: *Алеб* и *Ильяс* у меня. Я завтра их поправлю и пошлю» [21, с. 206]. Рукопись подготовлена неизвестным писцом, занимает четыре листа нелинованной бумаги большого формата (30 x 40); в правом верхнем углу третьего листа читается цифра «2». Текстом заполнены три листа с лицевой и оборотной сторон. Принято считать, что с этой копии рассказ печатался [8, с. 279].

На данном этапе писатель сосредоточился на деталях, относящихся к нравоучительной стороне произведения, «суждению» о трудовом «счастье» Ильяса и Шам-Шемаги в кульминации сюжета. Ключевые понятия своей социально-этической философии о праздном существовании и целесообразной деятельности Толстой преломил в оппозиционной форме, контрастно противопоставив атмосферу взаимной любви и согласия, нравственного совершенствования, которая наполнила трудовую жизнь героев, пустым «заботам» их жизни в «богатстве» [18, л. 3 – 3 об.].

В начале апреля 1885 года рассказ передали для иллюстрирования художнику Н. А. Философову (см. письмо Толстого к В. Г. Черткову от той же даты [21, с. 160]). Н. А. Философов рисунка не сделал. К тексту открытого листа нарисовал картинку А. Д. Кившенко, цензурное разрешение последовало 27 сентября 1886 года [2, с. 642]. Главное управление по делам печати запретило отдельное издание 10 октября 1887 года [Там же, с. 678].

Впервые «Ильяс» был напечатан в 1886 году – в сборнике «Царь Крез и учитель Солон и другие рассказы». В том же году выпущен на открытом листе как текст к картинке художника А. Д. Кившенко и в двенадцатой части «Сочинений». Вела это издание С. А. Толстая.

Три первые печатные версии произведения содержат разночтения. Эти отличия свидетельствуют о том, что в рассказ были внесены смысловые и стилистические изменения, которые не отражены в его сохранившихся рукописях. Полагаем, что в ряде мест можно говорить о самочинном редакторском воздействии на авторский текст (варианты «Царя Креза...» и открытого листа). В другом случае – о совместном усовершенствовании содержания и формы художественного целого автором и издателем: вычитывали и правили корректуры двенадцатой части С. А. и Л. Н. Толстые. Писатель был занят этим в первой половине марта 1886 года. 12-20 (?) марта он сообщал подробности своему другу и единомышленнику, художнику Н. Н. Ге (отцу): «Я очень много работал. Все то, что должно войти в 12-й том, и потому не уезжал» [20, с. 335]. Выходу в свет сборника «Царь Крез...», как и открытого листа, активно содействовал В. Г. Чертков, с основания «Посредника» цепко державший в руках печатание сочинений своего духовного наставника. Возможно, корректурные листы просматривал лично он или под его контролем кто-то из сотрудников фирмы.

Сопоставительный анализ рукописного и печатного материала рассказа «Ильяс» показал: варианты «Посредника» по своему характеру представляют собой коррективы стиля, которые обесцветили и лишили оригинальности художественную речь Толстого, хотя и не привели к грубому искажению смысла и порче содержания произведения. Проводилась унификация союзов, предлогов, местоимений и форм существительных. Манера письма Толстого «подгонялась» под вкусовые пристрастия корректоров и/или редактора.

Таблица 1. *Коррекция рассказа в сборнике «Царь Крез...»*

«Царь Крез...»	Открытый лист и двенадцатая часть
«дал ему дом и скота» [26, с. 19].	«дал ему дом и скотины» [13, с. 117; 19, л. 1].
«жить со старухой» [26, с. 20].	«жить и с старухой» [13, с. 117; 19, л. 1].
«я вот как сужу» [26, с. 22].	«А вот как сужу» [13, с. 119; 19, л. 2].
«у нас со стариком» [26, с. 24].	«у нас с стариком» [13, с. 120; 19, л. 2].
«встанем мы со стариком» [26, с. 24].	«встанем мы с стариком» [13, с. 120; 19, л. 2].
«всегда по любви» [26, с. 24].	«всегда по любви» [13, с. 120; 19, л. 2].

Таблица 2. *Вариант открытого листа с рисунком А. Д. Кивиенко*

Открытый лист	Двенадцатая часть
«И есть, когда поговорить и по душе подумать» [19, л. 2].	«И есть, когда поговорить и о душе подумать» [13, с. 120].

Иные разночтения появились в двенадцатой части «Сочинений». Три смысловых изменения очень важны для уточнения содержания. Они могли быть внесены С. А. Толстой после согласования с автором и его одобрения.

Таблица 3. *Варианты рассказа из двенадцатой части «Сочинений»*

Двенадцатая часть	«Царь Крез...» и открытый лист
«попала жена гордая» [13, с. 117].	«попала сноха гордая» [19, л. 1; 26, с. 19].
«велел Мухамедшаху» [13, с. 118].	«велел Мухамедшах» [19, л. 1; 26, с. 21].
«Удивились гости» [13, с. 119].	«Удивился гость» [19, л. 2; 26, с. 23].
«и начнем браниться, грешим» [13, с. 120].	«и начнем грешить и браниться» [19, л. 2; 26, с. 24].
«заботиться не о чем» [13, с. 120].	«заботиться нам не о чем» [19, л. 2; 26, с. 24].

В Юбилейном издании В. И. Срезневский справедливо выбрал источником основного текста двенадцатую часть. Не можем согласиться с исследователем в том, что поспешно и без надлежащего критического изучения он отказался от всех ее новых вариантов. Закономерен вопрос: зачем же тогда текстолог остановил свой выбор на двенадцатой части? Руководствуясь таким подходом, за основу следовало бы взять публикацию «Царя Креза...» и составить к ней список исправлений по рукописям.

Текст В. И. Срезневского признали эталоном: его перепечатывали без обращения к авторским черновикам и дополнительных поправок по ним во всех последующих изданиях сочинений писателя. При этом редакторы-составители 22-томного собрания сочли грамматической ошибкой толстовское название обуви, которую носил главный герой Ильяс, – так в слове «ичеги» мы объясняем замену корневой гласной «е» на «и»: «ичиги» [25, с. 258]. Орфографические нормативы XX и XXI веков предписывают одну форму написания: «ичиги» [11, с. 270]. Ее приводит этнограф, историк башкирского костюма С. Н. Шитова. «В работах путешественников и ученых, – отмечает она, – при описании костюма пожилых мужчин и женщин упоминаются щегольские “ичиги” – сафьяновые сапожки с мягкой подошвой, черные или цветные: алые, желтые, “расшитые шелком” на голенищах» [27, с. 136].

Между тем вариант написания данного слова через букву «е» бытовал в XIX веке и приведен в словаре В. И. Даля. «Ичиг – ичиги, ичеготы – азиатская сафьянная обувь, полусапожки без подошв, на босу ногу, сверх которых надевают башмаки, калоши» [3, с. 67]. В Юбилейном издании эта деталь справедливо учтена как индивидуальная особенность стиля Толстого: «Только и осталось у Ильяса имения, что платье на теле, шуба, шапка и ичеги с башмаками, да жена, Шам-Шемаги, тоже старуха» [22, с. 32].

При подготовке двенадцатой части было исправлено несколько несообразностей, которые искажали смысл некоторых фраз. Эти поправки, на наш взгляд, В. И. Срезневскому следовало бы принять во внимание. Так, в описании семьи Ильяса говорится о двух его сыновьях и о «гордой снохе». «Одного, старшего, в драке убили, – повествует рассказчик, – а у другого, меньшого, попала сноха гордая, и стал этот сын отца не слушаться, и пришлось Ильясу отделить его» [22, с. 31; 25, с. 257]. В хронологическом «срезе» произведения героиня приходится снохой Ильясу, но не его сыну. Словарь В. И. Даля так определяет «сыноху»: «сынова жена, невестка» [5, с. 249]. Словосочетание «гордая сноха» видится опiskeй Толстого.

Шам-Шемаги рассказывает об их с Ильясом трудовой жизни из-за занавески, ее слова слышат все гости и хозяин. Однако из черновых рукописей и публикаций «Посредника» явствует, что «удивился» услышанному только один из присутствующих, собеседник Мухамедшаха. Эту смысловую погрешность автора перенес в текст Юбилейного издания В. И. Срезневский: «Удивился гость, и удивился хозяин, привстал даже,

откинул занавеску, чтобы видеть старуху» [22, с. 33; 25, с. 260]. Показательно, что ниже реакцию слушателей на нравоучение Шам-Шемаги и Ильяса передают глаголы в форме множественного числа: «Засмеялись гости»; «И перестали смеяться гости и задумались» [22, с. 34; 25, с. 260, 261]. Поправку в двенадцатой части стоит учесть, кому бы она ни принадлежала: С. А. Толстой или писателю.

Жизнь в богатстве Ильяса и Шам-Шемаги была беспокойна, состояла из множества пустых «забот», отнимающих время на молитву и духовную «пищу». «И согласья у нас с стариком не было, – вспоминает Шам-Шемаги. – Он говорит, так надо сделать, а я говорю этак, и начнем грешить и браниться» [22, с. 34; 25, с. 260]. В двенадцатой части фраза поправлена – ссоры супругов осмыслены как один из видов греха: «и начнем браниться, грешим» [13, с. 120]. Выше героиня говорит о другом неблагоприятном поступке: «За работников мы смотрим – они норовят отдохнуть да послаще съесть, а мы глядим, чтобы наше не пропадало, – грешим» [22, с. 34; 25, с. 260]. Повтор глагольной формы в предложениях спиралевидно раскрыл тему греха.

Научная критика текста рассказа по автографу, последующим рукописям, печатным материалам 1886 года, Юбилейному и 22-томному изданиям выявила несколько разночтений, которые остались незамеченными нашими предшественниками [22, с. 32; 25, с. 258]. В частности, написание в автографе фразы: «Только и осталось у Ильяса именья, что платья на теле, шуба, шапка и ичеги с башмаками, да жена, Шам-Шемаги, тоже старуха» [16, л. 1 об.]. Копируя автограф, Л. Д. Урусов в слове «платья» заменил форму множественного числа формой единственного числа («платье»). Рядом правка Толстого, т.е. вариант Л. Д. Урусова авторизован [17, л. 2]. Скорее всего, писатель не увидел возникшее несоответствие. Аналогично передано это слово и во второй копии [18, л. 1 об.].

Ошибся ли Толстой, употребляя форму множественного числа в слове «платье», и насколько была оправдана поправка Л. Д. Урусова? Этот вопрос побудил обратиться к истории башкирского национального костюма. С. Н. Шитова пишет: «В составе башкирского мужского и женского костюмов... имелись рубаха (у женщин – платье) и штаны. В прошлом традиционный комплект дополняла распашная верхняя одежда: приталенная безрукавка или кафтан, просторный халат. Южные башкиры нередко надевали несколько верхних одежд, каждая из последующих была длиннее и свободнее предыдущей. Ниспадающие полы халатов позволяли продемонстрировать разнообразие и нарядный вид одежд» [27, с. 20]. Возможно, оставшиеся «платья» Ильяса вместе с шубой свидетельствовали о былом богатстве их обладателя.

Угощая своих гостей, Мухамедшах увидел, как Ильяс, закончив свои дела, прошел мимо двери. Далее в автографе следует диалог Мухамедшаха с гостем, который Толстой строит преимущественно глаголами в форме прошедшего времени: «И случилось раз, приехали к Мухамедшаху сваты, дальние гости. Пришел и мулла. Убил Мухамедшах барана, напоил гостей чаем с медом, накормил бараниной и выставил кадушку кумыса, и сидят гости с хозяином на пуховых подушках, на коврах, пьют из чашек кумыс. А Ильяс убрался с делами и прошел мимо двери. Вот и говорит Мухамедшах гостю: – Видел ты, этот старик [входил, ковчики подал] прошел мимо дверей? – Видел, – говорит гость. – А что же в нем удивительного?» [16, л. 2].

Л. Д. Урусов в первой копии передал этот фрагмент по-своему: не разобрался до конца в авторской правке, спутал не только времена глаголов в диалоге, но и перед ним заменил прилагательное «дальние» (о гостях) на «далекие». Толстой снова исправил эпизод, но не заметил погрешностей. «И случилось раз, приехали к Мухамедшаху сваты, далекие гости, пришел и мулла. Велел Мухамедшах поймав барана и убить. Ильяс освежевал барана и сварил и послал гостям. Поели гости баранины, напились чаю и взялись за кумыс. Сидят гости с хозяином на пуховых подушках, на коврах, пьют из чашек кумыс и беседуют, а Ильяс убрался с делами и прошел мимо двери. Увидел его Мухамедшах и говорит гостю: – Видишь ты, этот старик прошел мимо дверей? – Видел, – говорит гость. – А что же в нем удивительного?» [17, л. 3]. Думается, описку Л. Д. Урусова в слове «видел» целесообразно по смыслу и по сочетаемости глагольных времен исправить по автографу.

Итак, Толстой работал над рассказом «Ильяс» в несколько этапов. Сначала, в автографе, целостно сложились сюжет и образы произведения, его идейно-тематическое своеобразие. Рукопись создана во второй декаде марта 1885 года. Основанием для датирования этого периода являются письма Толстого к жене от 14 и 15 марта и дата переписчика 16 марта.

Первую копию снял Л. Д. Урусов 16-17 марта 1885 года. Толстой занимался ею до 25-26 марта (см. его письмо к В. Г. Черткову от этого числа), поэтому зачеркнул датировку переписчика (17 марта) на последнем листе. На той стадии были скорректированы детали образов Ильяса, Мухамедшаха и Шам-Шемаги (Фатьмы). Рукопись Л. Д. Урусова после ее правки писателем дублировал его неизвестный помощник. Принято считать, что с этой – второй по счету – сохранившейся копии рассказ печатался в «Посреднике». Толстой, просматривая «картинку» «Ильяс» 18 мая 1885 года (см. его письмо к В. Г. Черткову от 17 мая), сосредоточился на кульминации сюжета, где развито нравоучение о трудовом «счастье» Ильяса и Шам-Шемаги. Итоговые поправки вносились в первой половине марта 1886 года, как видно из письма Толстого к Н. Н. Ге (отцу) от 12-20 (?) марта 1886 года. Тогда были устранены три важных смысловых несоответствия. Предложенное нами новое решение вопроса датирования произведения выявляет все этапы работы автора над текстом.

Проблема редакций впервые рассмотрена в *литературоведческом ключе*, на основе анализа становления элементов содержания и формы. Богатый этнокультурный «фон» рассказа «Ильяс», графические особенности рукописей (обилие авторской правки) не являлись приоритетом в обосновании наличия редакций. Условная схема создания этого сочинения такова: сложившееся художественное целое (автограф) – доработка отдельных смысловых подробностей, относящихся к характерам, эмоциональному центру, репертуару изобразительно-выразительных средств (последующие рукописи).

Научная критика текста произведения выявила несколько типов разночтений. *Ошибки автора* представляют недочеты автографа, которые перешли в последующие рукописи и остались не замеченными Толстым («гордая» жена или сноха; Мухамедшах рассказывает историю Ильясa всем или одному гостю, что выразилось в несоответствии глагольных форм). Изменения стиля в изданиях «Посредника» – унификация союзов, предлогов, местоимений и форм существительных – это *сознательное вторжение в чужой текст редактора и/или корректоров в угоду собственным вкусовым пристрастиям*. Не избежала *ошибок набора* двенадцатая часть «Сочинений» (пропуск местоимения «нам» во фразе «заботиться нам не о чем»; нарезать барана для гостей велит не хозяин дома, Мухамедшах, а мулла). Эти единичные погрешности не были устранены при просмотре корректур. Иные разночтения между автографом, рукописями и публикациями в словах «ичиги»/«ичеги» («ичеготы»), «платья»/«платье», «видел»/«видишь» (диалог Мухамедшаха и его гостя) объяснены в контексте творческой манеры Толстого-художника и историко-культурных реалий как образцы *ошибок переосмысления при переписывании*. Не вызывает сомнений, реконструкция создания рассказа «Ильяс» на стыке литературоведения и текстологии позволила глубже исследовать индивидуальную манеру писательского мастерства Толстого, обусловленную его эстетическими воззрениями и идеологией.

Список источников

1. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М.: Наука, 1970. 557 с.
2. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828-1890. М.: ГИХЛ, 1958. 837 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Дрофа; Русский язык – Медиа, 2008. Т. 2. 779 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Дрофа; Русский язык – Медиа, 2008. Т. 3. 555 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Дрофа; Русский язык – Медиа, 2008. Т. 4. 683 с.
6. Курьянова В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 220 с.
7. Кушечко З. А. «Ильяс» // Л. Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009.
8. Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденштур, Е. С. Серебровская; общ. ред. В. А. Жданова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 634 с.
9. Опульская Л. Д. Комментарии // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. М.: Худож. лит., 1982. Т. 10. С. 504-536.
10. Опульская Л. Д. Примечания // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20-ти т. / под ред. Н. Н. Акоповой, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева, М. Б. Храпченко. М.: ГИХЛ, 1963. Т. 10. С. 543-567.
11. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. В. В. Лопатин. М.: Московская типография № 2, 2007. 960 с.
12. Сизова И. И. Текстология и поэтика рассказа Л. Н. Толстого «Вражье лепко, а Божье крепко» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. 1. С. 183-189.
13. Сочинения графа Л. Н. Толстого: в 12-ти ч. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. Ч. 12. Произведения последних годов. 599 с.
14. Срезневский В. И. «Ильяс». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1937. Т. 25. С. 679-680.
15. Срезневский В. И. Примечания // Толстой Л. Н. Полное собрание художественных произведений: в 15-ти т. / ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М. – Л.: Государственное издательство, 1930. Т. 10. С. 361-380.
16. Толстой Л. Н. Ильяс // Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 1. Оп. 1.
17. Толстой Л. Н. Ильяс // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2.
18. Толстой Л. Н. Ильяс // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3.
19. Толстой Л. Н. Ильяс // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 4.
20. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1934. Т. 63. 524 с.
21. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1935. Т. 85. 464 с.
22. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1937. Т. 25. 914 с.
23. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1938. Т. 83. 638 с.
24. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1952. Т. 48. 540 с.
25. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. М.: Худож. лит., 1982. Т. 10. 543 с.
26. Царь Крез и учитель Солон и другие рассказы. М.: Посредник, 1886. 34 с.
27. Шитова С. Н. Башкирская народная одежда / отв. ред. Н. В. Бикбулатов. Уфа: Капитал, 1995. 237 с.

**L. N. TOLSTOY'S SHORT STORY "IL'YAS":
TOPICAL PROBLEMS OF THE HISTORY OF CREATION AND EDITION**

Sizova Irina Igorevna, Ph. D. in Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
u_sizova@bk.ru

The article presents a new view on the history of creation and edition of L. N. Tolstoy's short story "Il'yas". The dating of the writer's work on the story is specified: March 14-26, May 17, 1885, the first half of March 1886. The stages of the embodiment of the plan are studied. An analysis of the formation of the content and form of elements shows that draft manuscripts do not contain any signs that would confirm the existence of an early version. For the first time different interpretations of the printed publications of "Il'yas" in 1886 are systematized, the typology of semantic mistakes and errors admitted by the author and introduced into the story by the preparers is revealed.

Key words and phrases: L. N. Tolstoy; short story "Il'yas"; dating; editing; version; history and scientific criticism of text; edition; semantic error.